

современный любовный роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАСТАСЬЯ
КАРПИНСКАЯ

ПРИЧАЛ МОЕЙ ОСЕНИ

балансируя на краю

Настасья Карпинская

Причал моей осени.

Балансируя на краю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68565718

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда чернота души находящегося рядом с тобой человека захлестывает, как волна, погружая с головой в хаос и мрак, душит день ото дня, когда смотришь в когда-то любимые глаза и больше не видишь света, мир больше не кажется безопасным. Приходится отрастить когти и клыки, засучить рукава и бороться за себя и свою жизнь. Но Лера не могла предположить, что, едва выбравшись из одного круга ада, она неминуемо попадет в другой, где ставки выше, а пропущенные удары могут стать фатальными.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Настасья Карпинская

Причал моей осени.

Балансируя на краю

Глава 1

– Ну, сколько еще ты собралась подобное терпеть? – я сидела на кухне у подруги и крутя пальцами ножку бокала с шампанским думала о том как не тронуться окончательно в своем сюрреалистичном браке. Сегодня с утра меня сначала морально прессанули, а потом солонка кинутая Даниловым в стену разлетелась на куски, в полуметрах от моей головы. Нет, он не промахнулся, он рассчитал, чтобы не попасть в меня, но чтобы наглядно продемонстрировать возможность этого, простимулировать мой страх.

– Что именно, Лен?

– Скотство это его. Так нельзя жить! Ну, нельзя, Лер! Ты же себя не на помойке нашла. Ты же знаешь, чем это все заканчивается. – Знала, но как девяносто девять процентов женщин наивно полагала, что у меня-то все будет по-другому, главное в этом во всем слово было «наивно». Надеяться на пресловутое «авось пронесет» это уже что-то из области менталитета, почти не излечимо.

– А что я должна сделать? К родителям идти на поклон? Мол, вы правы были, примите обратно дуру. Ты понимаешь, что это еще хуже.

Ленка знала и за*бы моей матери, и молчаливую поддержку этих загонов со стороны отца, знала, сколько я схавала этого, пока с ними жила, поэтому, стиснув зубы, промолчала, и, вытащив сигарету из моей пачки, закурила.

– Переезжай ко мне, – выдохнув дым в потолок своей малометражной хрущевской кухни, выдала Ленка. Прямо гений, куда деваться...

– Куда? Будем, как гастарбайтеры жить, штабелями на полу спать? – учитывая, что в этой съемной однокомнатной конуре она ютилась с тремя своими сыновьями, так бы оно и было.

– Да, лучше так.

– Я выгребу, Лен, не переживай. Работу найду и с первой же зарплаты съеду. Хватит, насиделась дома.

Когда-то мой благоверный сладкими речами вынудил меня уйти с работы. Работа была не престижная, и он убедил меня, что держаться за нее нет смысла, тем более именно она, по его мнению, могла отражаться на моем здоровье и являться той самой причиной, по которой я не могла забеременеть. “Нагрузка и стресс могут очень пагубно сказываться на твоём организме”, – методично втирал мне муж, втирал качественно и постоянно, так что я и сама в это верить начала. В общем, мозг он мне поимел знатно, настолько, что я

уволилась и примерила на себя роль примерной домохозяйки, как он и хотел.

– Как бы поздно не стало, – произнесла Ленка, намекая на самый плохой исход ситуации.

– У него кишка тонка, не решится.

Димка мог доводить лишь морально: бить по нервам, манипулировать, выводить на эмоции, топить в чувстве вины, которое сам же и взращивал все эти годы, но физически он никогда не воздействовал, ни разу. Вот и сегодня после очередного морально пизд*ца я сдерживалась из последних сил, не давая волю слезам, дабы не показать, что его умелые манипуляции достигли цели, и эффект есть. Я дождалась, пока он свалит из квартиры и, прихватив бутылку шампанского, чтобы совсем не поехать кукухой, пошла к Ленке, к моему оплоту спокойствия, моему спасательному кругу, за который я держалась, потому что, если бы не ее присутствие в моей жизни, то, наверное, я бы давно вышла в окно или наглоталась таблеток. Держала только она меня своим примером, своей стойкостью: уйти от мужа в один день, забрав с собой трех несовершеннолетних детей, вытягивая их финансово самостоятельно без помощи папаши, отражая бесконечные удары от нашего *бучего общества с их бесконечным осуждением и перемыванием ее костей, проявляя железную стойкость, вкалывая на двух работах, еще и подрабатывая, если кто из знакомых подкидывал какую-то халтуру. Она была для меня образцом нестигаемости и силы духа.

– Порой задаюсь вопросом, почему все так? Почему нам так не везет с мужиками?

– Потому что, то, что нам с тобой попало, это не мужики, это особи мужского пола, а это, как оказалось, разные понятия. Жаль, сразу не рассмотрели.

– Ну, ты хоть детей нарожать не успела, а я, видно, совсем слепая была.— Выдохнув произнесла Ленка опрокидывая в себя остатки шампанского в бокале и разливая по новой порции.

– Жалеешь?

– Лишь о выборе, о том, что раньше не прозрела, а о детях ни разу не пожалела. Это единственное, за что я ему благодарна.

Ленка была права. Дети, это единственное, что хорошо получалось у мудака Зорина, если не считать рукоприкладство в отношении своей жены. То тоже было идеальное, филигранное, продуманное и жестокое. Если бы она в процессе одного такого перформанса не у*балась головой об угол кухонного шкафа, оцарапав лицо, то х*р бы кто увидел, что у них что-то не в порядке в семье. Да, Ленка была зашорена, ибо такие твари, как ее Зорин и мой мудак Данилов знают, как качественно промывать мозг. Только он не учел одного – есть вещи посильнее инстинкта самосохранения, который, как оказалось, можно обойти. Последней каплей было, когда эта тварь ударила пятилетнего ребенка, их среднего сына Мирона так, что тот впечатался в стену. Это была точка,

точка отсчета для нее, как для матери. Шоры слетели и она, поднявшись с холодного пола кухни, растирая слезы вперемешку с кровью по своему лицу, у*бала этой твари табуретом, хлипкая конструкция из Эконом мебели рассыпалась на части. Зорин осел, выключившись, и она, подняв всех детей с кроватей, собрав вещи, что могли вместиться в найденные сумки, выбежала из квартиры в никуда, в ночь с пятью тысячами рублей в кармане, даже не представляя, куда может пойти. Это был ее ад, из которого она вырвалась. Это была ее боль, ибо подобные шоры сдираются только с кровью и кожей, по-другому никак. И плевать она хотела на тех, кто за ее спиной говорит, что она сука, что оставила детей без отца, что хоть какой-то мужик, это лучше, чем совсем без мужика. Плевала она на это с высокой колокольни, потому что теперь знает точно, что за красивой картинкой счастливой семейной жизни может скрываться настоящий ад. И теперь, вкалывая, как загнанная лошадь, она счастлива, потому что больше не боится прихода мужа с работы, потому что больше не испытывает страха, возвращаясь домой. Три года прошло с того момента, а Ленка так и не завела новые отношения, осознанно сторонилась мужиков, выбирая таким образом себя, своих детей, свое спокойствие и жизнь. И я ее понимаю.

– Приходит к детям? – спросила, уже зная заранее ответ. Она затянулась сигаретой, скривившись и выпустив дым, покачала отрицательно головой, затушив окурочек в пепельнице. – Может это и к лучшему...

– Для меня уж точно, – произнесла Ленка, допивая шампанское. – Останешься хоть сегодня?

– Нет.

– Звони сразу, если вдруг... – она не договорила, но мы обе поняли, о чем были эти слова, и что за ними стояло. Знали, поэтому в глазах понимание и обещание подставить плечо в случае необходимости.

Глава 2

– Дар, там Оксана начала принимать заявки на бронь столиков к Новому году. Спрашивает, от руководства будут какие-то пожелания, чтобы не получилось, как в прошлом году, – Тимур сел в кресло напротив моего стола, пока я проверял последние накладные.

– На календаре начало сентября, пока не знаю, пока планов нет, а там по ситуации.

– Снова потом будем всех двигать и переносить. Лишний геморрой.

– Тебе-то что? Свалишь к родителям и ручкой не помажешь.

– Нет, спасибо, мне прошлого Нового года хватило, – Тим pokrивился от всплывших воспоминаний, заставляя меня усмехнуться.

Мать Тимура, жена моего дядьки по отцу, решила, что младший сын без ее участия невесту себе не найдет, и прямо на Новый год устроила «смотрины», пригласив своих знакомых. Тридцать первого декабря в просторный дом Адашевых ненавязчиво, под предлогом праздника пришло три семьи посмотреть на Тимура и показать своих дочерей. В общей сложности на одного Тима пришлось семь девушек, жаждущих его внимания.

– Я тебе клянусь, я впервые хотел избежать внимания со

стороны женского пола. Это непередаваемое чувство беззащитного одинокого кота, вдруг оказавшегося в окружении стаи гиен, и представь, каждая из них уже капает слюной от желания тебя сожрать. Брр... До сих пор холодная дрожь по телу, – и он показательно передернул плечами, вызывая мой смех.

– Да ладно тебе, тетя Эльвира уже смирилась, что ее сын оболтус и бабник, и что внуков ей не дожидаться, поэтому можешь без опаски к ним приезжать.

– Это она только вид делает, а потом оп... и нежданчик: «Сына, посмотри, это Айгюль, она к нам за солью зашла, у нее папа майор полиции, а сама она учится на филологическом. Ну, вы тут пейте чай, а я пойду». Нет, брат, я лучше здесь с тобой потусуюсь.

– Тогда шуруй на кухню и проверь продукты: количество, маркировку, все, как обычно. Завтра банкет Кирсанова, все должно быть без осечек.

– Это тот, который депутат?

– Он самый.

– Ильдар, милый! – в кабинет без стука неожиданно влетела Камила, обрывая наш разговор и заполняя пространство невыносимым запахом своих духов, у моей бабушки любимая «Красная Москва» и то приятней пахла. – О, Тим, привет! Не заметила тебя, – она хотела его обнять, но Тимур, подорвавшись с места, игнорируя ее порыв, резво направился к двери.

– Классно выглядишь! – бросил брат, спешно закрывая за собой дверь, заставляя меня в некотором смысле ему позавидовать, я вот так просто свалить не мог, к своему великому сожалению. Как и удержаться от язвительности.

– Ты на себя весь флакон вылила?

– Тебе не нравится?

– Глаза режет. И что с губами опять?

– О, это отек небольшой после процедуры, спадет через пару дней. Классно смотрится, да?

– Как у дешевой проститутки.

– Ты хоть знаешь, сколько это стоит? – взвилась Ками, быстро сбрасывая с себя маску глупой дурочки. – И как у тебя язык поворачивается мне такое говорить?

– Нет, не знаю и знать не хочу. Ты зачем пришла?

– Соскучилась, – и снова это заискивающее выражение лица, уже без нотки возмущения. Знакомо до рвоты.

– Сколько? – произнес устало, откинувшись на спинку кресла. Последнее время у нас с ней разговор был короткий и на одну тему: баланс на ее банковском счету.

– Что сколько? – Камила присела на край дивана, выверено в пол оборота, закинув ногу на ногу, неестественно и вызывающе, а деланное выражение на лице в купе с ужасно кукольными нарощенными ресницами вызывало во мне лишь отторжение, и в последние два года оно было стойкое и не проходящее.

– Не трать мое время. – Процедил сквозь зубы, давая по-

нять, участвовать в ее бездарных играх я не буду, так как давно известно, чем это все закончится.

– Я хотела с Ингой в Италию полететь, можно?

– Завтра увеличу лимит на карте. Свободна!

– Дар, ты лучший, – она хотела подойти ближе с объятьями, но я резко выставил вперед руку, останавливая сей порыв, и так от запаха ее парфюма уже голова начинала болеть, да и от фальшивости корбило.

– Съезди к отцу, он звонил на днях.

Камила едва заметно скривилась, тут же пытаюсь скрыть свою реакцию за улыбкой. С отцом у нее были сложные отношения; свою единственную дочь Ринат Данисович пытался растить в строгости и, пусть лишь видимой, но скромности. Только ей это по вкусу не пришлось.

– Конечно, милый, сегодня же заеду. Ты приедешь домой?

– Пока не знаю, – произнес, переводя взгляд на бумаги, разложенные на столе, давая понять, что наш с ней разговор закончен.

После того, как жена вышла за дверь, я, распахнув настежь окно, и оперевшись руками о подоконник устало прикрыл глаза. Уже больше месяца я не был в загородном доме, в котором живет Камила, больше обитал в городской квартире. Меня это вполне устраивало и, судя по тому, что она не особо истерила, ее тоже. И все-таки люди меняются, и порой не в лучшую сторону.

Когда мы познакомились с Ками, она представляла из се-

бя довольно скромную девушку, обладающую естественной красотой: никакого ботекса, пластических операций, косметических процедур, она даже волосы не красила. Но стоило ей вырваться из родительского дома, в котором она была под контролем своего отца, как ее понесло. Ящик Пандоры открылся. В первое время я думал, что это не может продлиться долго, и она, насытившись, в конце концов, успокоится, но просчитался. Жажда, которая зрела годами под действием огромного количества запретов, была неутолима, и, видимо, все это еще было изрядно приправлено чувством неуверенности в себе. Но даже мое понимание этих тонкостей и несчетное количество разговоров нам ничем не помогало. Как бы я не старался ее отрезвить, все было тщетно: чем больше она увлекалась, тем дальше друг от друга мы становились. За последние годы я могу по пальцам пересчитать наши с ней встречи. Они были короткие, наполненные ворохом претензий и недовольства друг другом. И, конечно же, закономерным итогом в голове крутилась мысль, что надо бы это все заканчивать. Надо... Только стартовый капитал на открытие моего бизнеса был из кармана ее отца. Тесть не то, чтобы намекал, он открыто озвучивал в личных беседах, что поверх бумаг о разводе моментально лягут бумаги о разделе имущества, и он будет явно не в мою пользу. Пустые счета и моя голая ж*па будут вишенкой на торте семьи Тагаевых. Не знаю, что пела ему Ками о нашем браке и любви в нем, но пела она видимо очень убедительно, настолько, что уважае-

мый Ринат Данисович был готов перегрызть горло любому за счастье своей единственной дочери, и первым на очереди, конечно же, был я. Яро ненавидимый зять. Поэтому, пока за спиной не будет хорошего буфера, и пытаться не стоит, потому что всплывать со дна невероятно тяжело, особенно, когда тебя отчаянно хотят утопить. А что такое считать последние рубли на булку хлеба, я знал не понаслышке, и повторять этот опыт у меня не было никакого желания.

Валерия

– Дим, за квартиру заплатить надо, Тамара уже звонила, – произнесла я аккуратно, стараясь корректно подать информацию и лишний раз не провоцировать Данилова на негатив в свою сторону. А так как поток недовольства полился уже с первых минут его прихода домой, то я чувствовала себя сапером на разминировании, не меньше.

Тамара была хозяйкой квартиры, которую мы снимали уже три года подряд, и она лояльно относилась к небольшим просрочкам, но в данный момент, просрочка была больше недели, и ни о каком снисхождении с ее стороны уже не могло быть и речи. Ситуацию надо было решать и, к сожалению, мне самой этого не сделать.

– Я тебе что, бабки печатаю, что ли? – зло рыкнул муж, садясь за стол ужинать, заставляя меня вздрогнуть от резкого и злого выпада.

Пришел он нетрезвый и позднее обычного, поэтому я ста-

ралась быть максимально покорной, но мне надо знать суть ситуации, чтобы постараться ее решить, поэтому я продолжила разговор.

– Что-то случилось? – тихо заискивающим тоном, уже отточенным и отрепетированным за все это время. Я уже как выдрессированное животное моментально принимала более выгодную линию поведения, дабы не огрести. И от этого сравнения саму внутренне передернуло.

– Приставы опять арест наложили на зарплатную карту.

– Мы же подавали документы в прошлый раз, что все оплачено или они снова потеряли?

– Мать опять долгов наделала, – моя свекровь была просто чудо-женщиной, просто Гай Юлий Цезарь в юбке: успевала и работать, и бухать одновременно. Поэтому все, что она зарабатывала, благополучно спускалось на бутылку, а так как Димка был прописан в ее квартире, то, все долги автоматически ложились на его плечи, оставляя нашу семью фактически без средств к существованию. Расклад суперский, правда только для нее, ибо так или иначе, а долг приходилось гасить. Данилов скривился то ли от произнесенных слов, то ли борщ ему пришелся не по вкусу. «Хоть бы первое», – я мысленно взмолилась и отвернулась к раковине, споласкивая посуду, потому что, проведя весь день в поисках работы и занимаясь домашними делами, я порядком выдохлась и его взрыв сегодня просто не перенесу.

Глава 3

Но взрыв был неминуем. Его запах витал в воздухе, искрясь напряжением и звеня треском, словно от взведенной до упора пружины. Только я до самой последней минуты наивно полагала, что сумею его предотвратить. Тот самый «авось» в действии. Не смогла. Один необдуманый вопрос, и реакция была запущена.

– Что завтра Тамаре сказать?

– Я что, *бу, что ты ей говорить будешь? Мне еще этот вопрос надо решить? Или ты поднимешь хоть раз свою ленивую задницу и сделаешь хоть что-то полезное? – голос, наполненный раздражением и неприкрытой яростью, моментально окатил меня с ног до головы, пробуждая страх, нещадно бьющий изнутри холодным ознобом.

– Дим, не я виновата в том, что твоя мать снова влезла в долги, – глупая попытка сгладить, нелепая и абсолютно ошибочная в данной ситуации.

– Ты мать, вообще, не трогай! Поняла?! Ни родить не можешь, ни с людьми договориться! Привыкла на готовом жить, дрянь! – взмахом руки снеся все со стола, рыкнул громче. – Суп готовить бы научилась, помои одни, жрать невозможно!

– Я выйду на работу, – произнесла тихо, сама не понимая зачем, просто мысли вслух, опускаясь на корточки, дрожа-

щими пальцами собирая осколки разбившийся посуды и думая о том, что мне теперь предстоит не один час отмывать забрызганные борщом стены и пол. Вот же козел.

– Куда?! Куда ты собралась, приживалка ху*ва?! – он подошел вплотную, отчего неприятный озноб пробежался по моей коже, встал передо мной мешая собрать с пола осколки тарелок – Куда ты, мать твою, собралась, я спрашиваю?!

– Отойди пожалуйста.

– На меня смотри, когда я с тобой разговариваю! – и Данилов неожиданно резко рванул меня за волосы вверх, заставляя подняться на ноги. От неожиданности я едва не завалилась на пол, взыв от боли, вцепившись пальцами в его запястье. – Кем ты, сука, пойдешь?! Халдейкой бегать в какой-нибудь забегаловке опять! Там только шл*хи работают! В шмары записаться решила? Узнаю, закопаю! – рыкнул, зло дыша мне в лицо спертым запахом алкоголя, и рванул в сторону, швыряя меня словно вещь бесправную, ненужную и неспособную дать отпор, ибо, когда ты не готов к подобному, ты цепенеешь, не понимая, что в данный момент будет лучше, обороняться или притвориться поверженной, сбой программы выдрессированного животного, не ожидающего жестокости от своего хозяина.

Я упала на пол, вспарывая осколками стекла кожу на руках и ногах, больно ударяясь головой о ножку стола и замирая, боясь сделать лишнее движение, боясь пошевелиться, замерла в позе эмбриона на грязном полу, игнорируя брыз-

нувшие из глаз слезы. Тяжелые удаляющиеся в комнату шаги Данилова били ударами молота по нервам, молота, под который не хотелось попадать.

Какое-то время я лежала, глотая слезы обиды, абсолютно не понимая, за что я огребаю, что я такого сделала и в чем я виновата? Лежала дожидаясь, пока из комнаты не послышится храп, и только после этого своеобразного сигнала, извещающего о воцарившейся относительной безопасности, стараясь не шуметь, поднялась, на онемевших ногах дойдя до табурета. Страхивая с себя налипшие остатки супа, рассыпанного сахара, специй и вынимая из кожи пару мелких осколков стекла, поймала себя на мысли, которая почти незаметно мелькнула в моем сознании, что надо было просто заткнуться и молчать, не разговаривать с ним сегодня, что сама виновата в случившемся. Ведь он пытался спровоцировать меня с момента прихода домой. Он искал, за что зацепиться, чтобы выместить на мне свое недовольство и агрессию, начиная от его замечания, что у порога недостаточно чисто, а в ванной мыло не того запаха. Надо было просто молчать. Поймав себя на этом, я замерла, сжимая веки и делая несколько глубоких вдохов, понимая, что в данный момент имею все факторы и все предпосылки, дабы окончательно и бесповоротно занять позицию жертвы, и уже не просто жертвы легкого абьюза, вот далеко не его. Данилов никогда до этого момента не позволял рукоприкладства, и раз он уже перешел эту невидимую грань, то дальше будет

только хуже. Будет хуже... Я должна это понимать.

Это был внутренний диалог моего покалеченного сознания и остатков разума, который уже отчаянно вопил, заставляя вспоминать о случившемся в жизни Ленки и подталкивая меня к действиям, заставляя бороться с чувством страха и глупым желанием замять эту ситуацию, притворившись слепой и глухой. Глупым желанием вспомнить, что вначале все было совсем не так, что он может быть нежным и любящим и снова взять всю вину на себя. Парадоксальная способность женщин найти оправдание твари, простить, пожалеть и убедить себя, что любовь все исцелит и что сама виновата.

Из легкого транса меня вырвал звук пришедшей на телефон смс, и я кинулась к оставленной у мойки трубке, пугливо оборачиваясь, боясь, как бы это не разбудило мужа. Если он проснется, то второй акт нашей бездарной пьесы будет гораздо громче и травматичнее для меня, в этом я была уверена, потому что к предыдущему недовольству добавится неадекватная ревность и в лучшем случае проверка моего телефона, в худшем – его просто разобьют о стену, ну, а учитывая сегодняшние события, может и об мою голову.

Быстро выключив звук, я дрожащими пальцами тыкнула по экрану, открывая сообщение от Ленки: «Будет перехватить до конца недели? Сема сменку в школе потерял». Почему-то, именно это отрезвило окончательно. Именно эти слова и то, что сообщение было от нее, вырвало мой разум из тисков страха что-то изменить и попытки сознания под-

толкнуть к смирению с ситуацией, к самообману по своей сути. Подавив желание рассказать ей о случившемся, сглотнув возникшую горечь от неспособности помочь, набрала текст: «Прости, за квартиру еще не заплатили. Сложно совсем».

«Поняла, выкручусь. Ты как?» – неожиданно прилетел вопрос, словно чувствуя, что п*здец все-таки произошел. Внутренности сдавило и я задушив в зачатке желание написать ей что все ху*во отправила совершенно другое:

«Все хорошо. Спать ложусь. Завтра наберу, как Данилов на работу смоемся». Отправила, сжав в руке трубку, стараясь дышать ровно, стараясь унять сковавший внутренности страх, разливающийся по моим венам, разносящийся по каждой клеточке моего тела, проникающий и протравливающий словно яд. Мир словно сузился в данный отрезок времени, ставя передо мной дилемму: уйти или остаться? Это была моя внутренняя борьба и поиск силы в самой себе на принятие окончательного решения. А тянуть дальше было нельзя. И я решила, потому что, открыв глаза, увидела свое отражение в оконном стекле: отражение слабой, ничтожной, угнетенной жалкой женщины в грязном халате с заплаканным лицом, обманывающая свою подругу, скрывающая насилие над собой оттого что почему-то чувствует свою собственную вину за произошедшее. Это была не я, не та я, какой я себя помнила, не та которой хотела быть.

На немеющих от страха ногах, стараясь не шуметь, я максимально тихо прокралась в комнату и, когда Данилов смач-

но захрапел, открыла шкаф, выудила из него большую дорожную сумку, вместе с ней прихватив пару вешалок со своей одеждой, и так же бесшумно юркнула в коридор. Адреналин разгонял кровь с такой силой, что било по вискам. Оборачиваясь и прислушиваясь к каждому его вздоху и выдоху, мне пришлось сходить еще три раза за вещами, обувью и документами. Упаковав все самое необходимое, я, схватив сумки и ключ от квартиры, дрожа и преодолевая напряжение, от которого, казалось, звенели уже все нервные окончания в теле, выждав момент, когда храп Данилова будет наиболее громким, дрожащими пальцами вставила в замочную скважину ключ и повернула его, почти не дыша. Еще один раскат храпа, и, открыв дверь, я выбежала с вещами на площадку, замыкая снаружи дверь. Босиком, с дорожной и повседневной сумками, пакетом и кроссовками в руках, бежала вниз на выход из подъезда, сбиваясь, спотыкаясь и раня оголенные ступни мелким мусором, что встречался на ступеньках. Тяжело дыша и изо всех сил стараясь сдерживать гулко бьющееся сердце, я, бросив ключ от квартиры в почтовый ящик, выскочила на улицу, и быстро, под взглядами редких прохожих, в большинстве своем гуляющих с собаками, сняла халат, натянув на себя спортивные штаны, футболку и толстовку, это то, что оказалось сверху в набитой до отказа сумке. Обула на босые ноги кроссовки и, прихватив свое барахло, рванула в сторону остановки, страшась, что Данилов быстро обнаружит мой уход. Конечно, разумом я понимала,

что вероятность подобного один процент из ста, так как после алкоголя спит он очень крепко, и в любом случае это займет у него какое-то время. Но я все равно боялась, потому что поймай он меня сейчас, малой кровью бы точно не обошлось, мной бы не только протерли пол, а переломали бы мебель, в этом я была уже уверена. Гонимая этим страхом, я оказалась на остановке. Не знаю, почему я пришла именно сюда, но только оказавшись здесь, поняла, что понятия не имею, куда мне идти и что делать дальше. К Ленке точно пока не пойду, у нее своих проблем не расхлебать, а больше и не к кому. Но думать надо было быстро, поэтому, заскочив в первый пришедший автобус, я расплатилась с кондуктором, заплатила за багаж и заняла место в самом углу, доставая телефон и забивая трясущимися руками в поиск запрос на самый дешевый хостел в нашем городе, ибо в кармане была всего тысяча рублей, скопленная чудом, так как Данилов последние пол года после каждого похода в магазин проверял все чеки, и утаить что-то было очень проблематично, даже если я занимала Ленке небольшие суммы, мне приходилось ему об этом докладывать. Та же бутылка шампанского была куплена на накопленные копейки и запрятанная в шкафу между крупами.

Глава 4

Найденный хостел оказался лучше, чем я представляла. Несмотря на скромную обстановку, он был чистым и мало-заселенным. В комнате из пяти двухъярусных кроватей было занято всего три места, я оказалась четвертой. Окинув взглядом комнату, оценила контингент, получить второй раз за вечер по лицу или вляпаться в еще одну дерьмовую ситуацию не хотелось. Маргинальных личностей не наблюдалось, поэтому я тихо прокралась к своему месту и, затолкав сумку под кровать, не раздеваясь, забралась под одеяло. О сне не было и речи, просто хотелось по-детски забиться в темный угол и спрятаться, и кровать первого попавшегося дешового хостела стала именно таким углом для меня сегодня. Когда напряжение начало немного отпускать, откат от пережитого стресса начал активно иметь мое тело: крупная дрожь и озноб, словно разряды тока проходили через внутренности, встряхивая и оседаая неприятной тяжестью в конечностях. Хотя физически холодно не было, но я лежала, поджав колени, натянув одеяло до подбородка, вглядываясь в темноту комнаты, пытаюсь справиться с собственной слабостью. Несмотря на то, что я осознавала, что сейчас нахожусь в другом районе города, страх никуда не делся, тревожность не уходила, продолжая сжимать до спазмов грудную клетку, сжимать, нехорошо перекрывая дыхание. Страшно

было элементарно закрыть глаза, казалось, что сейчас откроется дверь и в комнату ввалится пьяный Данилов.

Заснула я только под утро, но уже в половину седьмого, будто чем-то подгоняемая, открыла глаза. На дисплее телефона, который я безотчетно всю ночь сжимала в своей руке, мигал номер мужа. Дождавшись, когда вызов останется не отвеченным, я бросила его номер в черный список, тяжело выдохнув. Пытаясь подавить новую волну паники, поднялась, направляясь в ванную комнату и, умывшись холодной водой, набрала номер Ленки.

– Я могу к тебе сейчас приехать? – произнесла в трубку, склонившись над раковиной, подавляя и запихивая поглубже чувство собственной ущербности.

Ей понадобилась секундная пауза, чтобы проанализировать и понять, что случилось какое-то дерьмо, поэтому:

– Да, конечно, – лаконично и без долгих душещипательных разговоров.

Спустя час я сидела на Ленкиной кухне и пила горячий кофе, наблюдая, как она собирает детей в школу. Когда за веселой троицей сорванцов закрылась дверь, подруга, вернувшись на кухню, села напротив меня. Она не задавала лишних вопросов, она уже по одному моему виду поняла, что случилось; синяк на моем лбу чуть выше виска красноречиво ей об этом рассказал.

– Что делать будешь?

– Надо работу найти срочно, только не знаю, что с жильем

делать. Придется по хостелам месяц, а то и больше слоняться, пока первую зарплату не получу.

– Оставайся у меня, я же уже предлагала.

– Лен, тебе и так сложно. Перестань, я справлюсь.

– Упертая, как баран, – произнесла, отхлебывая из чашки обжигающий кофе, но в тоне не было ни злости, ни неприязни. Она понимала насколько сейчас было важно делать все самой, строить все самой, дабы почувствовать опору под ногами, как бы не было трудно. – А если тебе на старую работу попроситься, ну..., в тот ресторан, где ты работала? Если хозяин тот же, вдруг пойдет на встречу и рассчитает тебя вперед, угол снимешь, а на продукты наскребем. Тем более вас там кормили обедами, насколько помню, небольшая, но экономия.

– Ага, прямо все там сидят и ждут, когда же Валерия Игоревна к ним вернется. В таких заведениях штат чаще всего укомплектован, и текучки почти нет, потому что зарплата нормальная, и люди держатся за место.

– Чем черт не шутит, Лер, – Ленкина мысль имела право на жизнь, поэтому я особо спорить не стала, мысленно поставив зарубку заглянуть в «Эларию».

– Сейчас себя немного в порядок приведу, – я шумно выдохнула, ощущая жуткую усталость от всей ситуации и предыдущей полубессонной ночи, – и побегу по всем местам, где возьмут, туда и пойду. Смысл сидеть, гадать и что-то планировать? Можно я душ у тебя приму?

– Конечно, я сейчас тебе полотенце выделю и ключ от квартиры дам, а то мне на работу уже надо бежать.

– Валерия Игоревна, – стараясь не быть грубым, произнес я, встречая тяжелый взгляд девушки, сидящей передо мной, – штат укомплектован, я не могу вас определить на ту же должность, в которой вы значились ранее.

Данилова работала у меня администратором года так два, а то и три назад. Вспомнить какие-то нюансы ее работы не мог, значит, крупных косяков за ней не было, но и по лицу я ее тоже не вспомнил, лишь фамилия подсказала мне, что это не просто человек с улицы. Либо она так изменилась, либо у меня начала развиваться старческая деменция.

– Я понимаю, Ильдар Сергеевич, я готова на любую работу: официанткой, уборщицей, посудомойкой, – и она, сделав неглубокий вдох, выдавший ее волнение, одернула рукава кофты, которые секунду назад нервно приподняла, дав мне возможность заметить кожу, исчерченную свежими ссадинами. Повисшая пауза, и я, скользнув взглядом от ее рук к лицу, потянулся к телефону, набрав номер администратора.

– Зайди, – коротко бросил в трубку, мысленно отмечая, что сидящая напротив меня девушка была довольно привлекательна, хоть и имела немного изможденный и уставший вид. – Документы с собой? – обратился к Даниловой. Она кивнула, вытащив из сумки паспорт и трудовую, протянула мне, искоса бросая взгляд на вошедшую Оксану.

– Оформи официанткой, – кивнул Семеновой, снова переключая внимание на Валерию, – с какого числа можете выйти?

– Сегодня, – ответила, даже не задумываясь.

Значит ситуация, в которую она попала, не простая, а то, что у нее какие-то проблемы, было очевидно.

– Хорошо, – кивнул и уже обращаясь к Оксане: – подготовь Валерии Игоревне форму и кабинку в служебном, впиши в график и поставь ее на зал вместо Григорьева, он сегодня на банкете будет трудиться.

– Что-то еще, Ильдар Сергеевич? – поинтересовалась Семенова, делая пометки в своем планшете.

– Все.

– Размер одежды? – она обратилась к Даниловой.

– Сорок четвертый, – нервно сжимая пальцами ремешок своей сумочки. Дверь за Оксаной закрылась, а моя гостья даже не пошевелилась.

– У вас будет еще какая-то просьба ко мне? Я правильно понял? – произнес, откидываясь на спинку кресла.

– Если возможно..., я могу получить оклад наперед? Я отработаю все, честно.

– Валерия Игоревна... – начал я, но она перебила.

– Я понимаю, что это наглость с моей стороны...

– На что уйдут эти деньги? – произнес, не дав ей договорить и не отводя взгляда от ее лица, стараясь поймать любую эмоцию, которая могла бы мне сказать о ее лжи, и давая ве-

сомый повод отказать.

– На жилье, мне негде сейчас жить.

Но она, судя по всему, говорила правду. Взгляд прямой, открытый, ответ без заминок, но отражающий, что она стыдилась своего положения в данный момент. Это чувство стыда сквозило в ее взгляде, в положении тела, в отрывистых нервных движениях. Наверняка, получив уже не один отказ, она боялась получить его и здесь. Но и я не мать Тереза, что бы просто так направо и налево бабки раздавать, вдруг она, получив энную сумму, завтра просто пропадет с радаров.

– Расписку можете написать?

– Да, конечно, – ответ снова без раздумий, с промелькнувшим во взгляде облегчением.

И мысль всплывающим титром в голове: что я слишком хорошо знаком с подобным взглядом, затравленным, с читающийся уязвимостью и страхом за завтрашний день. Когда-то я встречал ежедневно, в отражении собственного зеркала.

Глава 5

Стоя в коридоре возле двери кабинета, из которого я вышла на ватных ногах от волнения и страха получить очередной за сегодня отказ, ожидая, когда меня позовет Оксана Викторовна для подписания трудового договора, я до конца не могла поверить в свою удачу. Потому что все это делалось в потоке произошедших событий, в некой агонии и безысходности, и только страх толкал вперед, заставляя стойко держать спину ровно, делать шаг за шагом, когда хотелось сгорбиться от усталости, забившись в угол. И только понимание успокаивало, что когда есть хоть какой-то базис, хоть маломальский доход, то уже появляется возможность направить свою жизнь в правильное русло, а понимание что эта работа мне могла его дать, внушало не только надежду, но и радость. Чтобы не говорили диванные философы, как бы не проповедовали позицию «не в деньгах счастье», деньги в современных реалиях, это тот инструмент, с помощью которого ты можешь улучшить свою жизнь и избавиться от девяносто процентов проблем, не бояться, что завтра тебе нечего будет есть и негде будет спать.

Подписав все необходимые бумаги, я вышла на улицу, вдыхая свежий воздух, и впервые за эти часы почувствовала, как тревога внутри начинает утихать. Не вся и не сразу, постепенно, маленькими частями, но дышать станови-

лось гораздо легче. Надо было поспать хотя бы немного, глаза резало от дефицита сна, словно туда насыпали горсть песка; в зеркало и вовсе смотреться не хотелось, хотя тонального крема я наложила достаточно, но усталость все равно скрыть не получилось. Вытащив из сумочки темные, объемные солнцезащитные очки, водрузив их на свое лицо и натянув капюшон толстовки на голову, я направилась к остановке. Часы показывали два, а в шесть вечера мне надо было быть уже в ресторане. Времени отоспаться осталось совсем не много.

– Дар, у нас расширение штата? Что это за новенькая в зале бегают? – Тим снова вальяжно завалился в кабинет, усевшись в кресло напротив моего стола, его манера держаться, порой порядком раздражала потому, как производила впечатление безделья и лени. Если бы я наверняка не знал, какой объем работы был им проделан за сегодня, да и в принципе за все время, я бы смотря на этого вальяжного ленивого кота, заключил, что он обычный прожигатель папиного состояния.

– Нанял сегодня. Справляется?

– Вроде, да. У Оксаны жалоб нет, но видок, конечно, у нее... – Тимур, недовольно скривив губы, откинулся на спинку кресла.

– Ты бы не официанток рассматривал, а рекламой занялся, что там со статьей в «Рест-Город»? – попытался переве-

сти разговор в рабочее русло.

– На мази все, не волнуйся. Двадцать второго числа выйдет, а завтра с утра приедет фотограф интерьеры поснимать. Может, эту новенькую пока на кухню спрятать, а? Ты видел у нее синячище на лбу, она хоть и попыталась все это прикрыть волосами, но все равно видно. Зачем людей пугать?

– Тим, угомонись, Валерия сегодня работает только на малом зале. Оксана приглядывает за ней. Этот человек уже у нас раньше работал: нареканий не было, в меню ориентируется, как с клиентами обращаться, знает.

– Я же не про ее чудесные профессиональные качества тебе втираю тут, я про внешний вид. У нас не привокзальная забегаловка, вроде.

– В курсе, а еще знаю, что ситуации порой в жизни ж*пные бывают, настолько ж*пные, что жрать нечего и ночевать негде. Вкупляешь?

– Вкупляю, что ты по ходу снова спасателем сирых и убогих заделался. Знаешь, такая замечательная поговорка есть: «Добрыми намерениями устлана дорога в ад». Смотри, бро, как бы она не оказалась к тебе применима. С одной ты уже лоханулся, не в обиду, правда. Но помнится, про Камилу ты тоже говорил, что она воспитанная, скромная и из хорошей семьи.

– Намекаешь, что в людях я разбираться не умею? – усмехнулся, смотря на обеспокоенного Тимура. Такая эмоция была, в принципе, ему чужда, а тут еще и налет жизнен-

ной философии возник. Чудеса чудесные, вот что женщины делают с мужчинами, даже находясь не в самой лучшей форме.

– Поправочка, бро, в женщинах. С ними у тебя постоянно какие-то осечки происходят.

– Это просто официантка, успокойся, – улыбнулся, успокаивая брата и неожиданно ловя себя на осознании, что на протяжении дня мысленно не раз возвращался к этой девушке...

На часах была половина первого ночи, когда я, стараясь не шуметь, открыла дверь в Ленкину квартиру. От усталости немного шатало, глаза слипались от желания спать, ноги и спину с непривычки ломило, но сумма чаевых, лежавшая в кармане, приятно грела душу, давая призрачную надежду на то, что все может наладиться.

– Ты чего не спишь? – подняла голову, встречаясь взглядом с Ленкой, которая вышла из кухни в прихожую, держа в руках детскую рубашку и иголку с ниткой.

– Вот, занимаюсь... Юрка опять подрался, пуговицы отлетели, – Юрка был ее средним сыном, хулиган, задира и весельчак. Неплохой мальчишка, но проблем подкидывал Ленке регулярно. – У меня для тебя новости есть, пойдем, – она кивнула в сторону кухни. Закрыв дверь, налила две чашки чая и села за стол, – у меня знакомая студию сдает, небольшая по квадратам, но меблированная и с бытовой техникой,

здесь, через два дома в новостройке. Цену не заламывает, но просит за два месяца вперед.

– Надо посмотреть, но навряд ли я потяну сейчас проплатить несколько месяцев. Мне только оклад авансом выдали, ну и чаевые.

– Завтра утром её наберу, посмотришь, если подойдет, я с ней переговорю .

– Лен, мне главное, чтобы было где спать, и чтобы без тараканов и алкашей поблизости, – «И чтобы Данилов не нашел», последнее уже мысленно, не озвучивая. Как только решу с жильем, надо подавать на развод. Хотелось сделать это как можно быстрее и забыть, как страшный сон. Только смогу ли забыть... В последнем я сомневалась, потому что трещину и внутренний надлом который образовался в процессе моего брака, еще предстояло долго и усиленно залечивать, и сейчас я даже не могу до конца оценить весь масштаб урона так как, нахожусь до сих пор внутри ситуации, а оценку надо давать извне. Головой я это все понимала, отчасти потому что помнила все наши разговоры с Ленкой после ее развода, я уже наглядно знала механизм, который происходил в этот момент в психике, но эмоционально меня штормило.

Утром, зевая, я готовила завтрак, помогая Ленке собрать и накормить мальчишек. Семен быстро организовывал младших, периодически одергивая Юрку, а то и вовсе отвешивая ему подзатыльник, когда тот забывал про границы и начинал дерзить матери. Как только за ребятней закрылась дверь, мы

сели пить кофе.

– Семен у тебя совсем взрослый стал.

– Он мне так помогает, Лер, ты бы только знала! Я готова иногда молиться на него, честно. Я на работе, он и младших всех со школы встретит, по кружкам растолкает, дома проследит, чтобы уроки все были сделаны, накормит их, готовить сам начал. Я смотрю на него и виноватой себя чувствую. Ему шестнадцать, а он не по годам ответственный и серьезный. В этом возрасте о девочках думают, о поступлении в институт, о друзьях, а он у братьев вместо второго родителя, – ее голос дрогнул на последних словах, и Ленка отвела в сторону взгляд, потому что в глазах собралась соленая влага.

– Ты говорила с ним об этом?

– И не раз... Отмахивается: «Все нормально, мам, не переживай!», – она, взяв салфетку, промокнула уголки глаз, шмыгнув носом.

– Лен, может...

– Ладно, проехали, – оборвала она, не дав договорить, и поднялась со своего места. – Давай, допивай, нас к восьми Ольга ждет, квартиру показать.

Ленка быстро брала эмоции под контроль. Мой хрупкий и стойкий самурай, всегда ищущий выход из любой ситуации и находящей его. И только избранные могли знать насколько тяжело ей приходилось.

Глава 6

Квартира и правда была небольшой, около двадцати квадратных, но со свежим ремонтом и основной бытовой техникой. Мне понравилась, и цена была за месяц подъемная.

– Оль, войди в положение... – донеслось до меня из небольшой прихожей.

– А если что случится, в мое положение кто войдет? Знаю я таких, сначала снимут, а потом платить нечем. Ходишь к ним, как на работу, деньги чуть ли не силой выбиваешь.

– Я ручаюсь за этого человека, – с упорством произнесла Зорина.

– Лен, ну, блин...

– Простите, пожалуйста, – вмешалась я в разговор, подойдя ближе, – я могу чуть больше заплатить сразу, это, к сожалению, все, что есть, и потом каждую неделю еще добавлять, чтобы вперед месяц закрыть. Вас устроит такой вариант? Если нет, то мы не будем настаивать.

Ленка посмотрела на меня с упреком. Она настаивать могла до уср*чки, и судя по взгляду, уверена была, что еще чуть-чуть и убедила бы.

Ольга недовольно поджала губы, явно терзаемая сомнениями, но спустя несколько секунд, махнув рукой, произнесла:

– Хрен с вами, заселяйся, – и, переведя взгляд на Ленку: – но, Лен, на твоей совести, если что, с тебя стрясу.

– Без проблем, Оль.

Заполнив договор, обменявшись номерами телефонов и отдав Ольге почти все, что у меня было, я удовлетворенно выдохнула, когда за моим новым арендодателем закрылась дверь.

– Ну, и как мне теперь с тобой рассчитаться, подруга? – обратилась я к Ленке, которая уже набирала голосовое сообщение Юрке с угрозой неминуемой расправы, если ей еще раз поступит жалоба на него от учителя.

– Это я с тобой рассчитываюсь. Что, забыла уже, как картошку таскала с тушенкой, когда нам с мальчишками жрать нечего было? – произнесла она, убирая телефон в карман своей кожаной куртки.

Помнила. До вставшего в горле кома. Ленка тогда только от Зорина ушла и, поскитавшись по знакомым, заработав какие-никакие деньги, сняла на них квартиру, а на продукты не осталось ни копейки. В кошельке ни рубля, на кухне пустые шкафы, а за плечами только долги и голодные дети. Была весна, и я, выйдя к мусорным бакам вынести мусор, обнаружила два ящика мелкой картошки. Рядом были подвалы, и люди, наводя порядок, вытаскивали к бакам то ненужные излишки, то подгнившие овощи. Недолго думая, я схватила эти ящики и потащила домой, а спустя полчаса, упаковав эту картошку в пакеты и, купив две банки тушенки, поперла это все Ленке...

– Ты давай, обживайся тут, а я побежала, а то мне опаз-

дывать нельзя, проверка сегодня, начальство блюдит.

Обняв на прощание Ленку, закрыла за ней дверь и потянулась к зазвонившему телефону, на котором высветился неизвестный номер.

– Слушаю, – произнесла, приняв вызов.

– Ну, привет, женушка, – протянул в трубку Данилов, одним звучанием своего голоса запуская неприятную холодную дрожь по моему телу и обрушивая волну безотчетной паники.

– Лерочка, куда же ты пропала? Я соскучился, милая, – его голос звучал настолько противно и мерзко, что я скривилась. – Ну что же ты молчишь, скажи мне хоть слово.

Но мне хотелось лишь одного, чтобы он замолчал и больше никогда не появлялся в моей жизни поэтому вместо ответа я, хаотично лупя по дисплею телефона дрожащими пальцами, скинула вызов. Волна животного страха снова накрыла с головой, заставляя все внутри сжаться в тугой клубок, а ладони покрыться мокрой холодной испариной. Привалившись спиной к стене, сомкнула веки, стараясь унять бьющую изнутри меня дрожь, и взять себя в руки. Это надо просто выдержать, пройти через это и дать понять этому мудаку, что больше запугать меня не получится. Отчего-то сейчас было сложнее и страшнее с ним разговаривать, нежели, когда я находилась рядом с ним, там была иллюзорность что я как – то могу повлиять на ход событий и на его реакции, сейчас этих иллюзий не было, и я отчетливо начинала видеть с кем

жила столько лет на самом деле. Я не могу больше уступать, я больше не имею на это право, иначе совсем перестану себя уважать.

Мне понадобилось около часа, чтобы справиться с эмоциями и страхом, и, натянув на голову капюшон толстовки, опасливо озираясь, заставить себя выйти из квартиры.

Перетащив свои скромные пожитки от Ленки и купив на последние деньги скромный набор съестного, я, закрыв дверь на все замки и зашторив окна, решила немного поспать перед сменой. Если я не выплусь, то свалюсь уже не только в метафорическом смысле, но и в буквальном.

– Проследи, чтобы подъемник заменили, он уже на ладан дышит, – произнес, обращаясь к Тиму, слыша нехарактерный треск оборудования, наблюдая, как рабочие поднимают на нем машину, – и Петровичу позвони. Если завтра на рабочем месте его в трезвом виде не будет, то может больше на глаза не появляться, – снова переключая внимание на экран телефона, на котором высветилось сообщение от человека, который в случае совершенного п*здеца сможет подстраховать. Сообщение было положительного характера, что сейчас добавляло в мои карты хорошего туза и открывало еще один путь выхода.

– Дар, может, ты на себя этот сервак переформишь, а? За*бался я с ним уже, не мое это, – тяжело выдохнул брат, просматривая бумаги, которые держал в руках и в которых

явно мало, что понимал, оттого и раздражение проступало все чаще.

– Потерпи немного, сейчас на нормальный уровень его вытянем и можно спокойно с рестом завязывать, – ответил брату, одновременно набирая смс с благодарностью.

– Может, ты зря паникуешь? Ринат нормальный мужик, он же не слепой, видит, что его дочка та еще... сука. Ты столько вложил в Эларию, и все по п*зде пустить из-за бабы...

Я оторвался от телефона и покосился в сторону Тима. Не тупой, вроде, но иногда наивностью болеет, словно простудой, она у него периодами, и сейчас, видимо, сезонное обострение.

– Бро, я попросил прикрыть мой зад. Если тебе сложно, в лом или еще какие-то недопонимания есть, я попрошу других людей. Только в глаза скажи и ныть переставай.

– Да не ною я, просто не понимаю я в этом ничего, – недовольно проворчал младший Адашев, зло захлопнув папку.

– Тебе понимать ничего и не надо. Ты умный вид делай и бурную деятельность изображай. Мне звони или у Олега спрашивай, он шарит. Добивай тут все, я в рест, наберешь, как закончишь.

Прощавшись с братом, направился к машине. Впервые мысль создать дополнительный бизнес на подставное лицо, как запасной аэродром, возникла после первого же упоминания моей «голой задницы» Ринатом Данисовичем в слу-

чае развода с его дочерью. В «серваке» номиналом был Тим, и каждая гайка была подписана его именем, каждая накладная на него. Я там, вообще, стараюсь не светиться, появляюсь, исключительно, как гость и брат владельца. Чем меньше людей знают, тем больше шансов, что Тагаев не до*бется до этого куска, и я останусь на плаву. Вывернув руль, вырулил на главную дорогу. Надо сегодня отдать распоряжение Оксане, чтобы ревизию по алкоголю провела, на випах в субботу уже остатки были. Но стоило подумать о «ресте», как тут же проскользнула мысль о новой официантке. Про нее тоже надо поинтересоваться, как в коллективе себя ведет, как работает. Глазищи ее испуганные в памяти отпечатались, теперь покоя не дают. Красивая девчонка, жаль будет, если ширяется или промышляет чем.

Глава 7

Весь день был занят бумажной волокитой и только около семи вечера, вышел в зал, окидывая взглядом публику, оценивая, справляется ли персонал и все ли в порядке. Заодно разминая от долго сидения свои телеса. В зале играл легкий французский джаз, ненавязчивый и создающий изысканную и непринужденную атмосферу, в одном Тим был прав, сил в «Эларию» было вложено дохрена, но как бы не было жалко ее отдавать собственная свобода была дороже, да и послужил рест хорошим стартом, опыт и средства на сервак все благодаря ему. В бизнесе и в отношениях как на войне порой надо пожертвовать меньшим, чтобы получить большее.

– Ильдар Сергеевич, – проходящая мимо Оксана, увидев меня, остановилась рядом, – у нас все хорошо, основные залы заполнены примерно на шестьдесят процентов, и в закрытом празднуется торжество, поставила туда Веру, Илью и новенькую Валерию.

– Замечательно. Как кстати она? Справляется? – спросил, имея в виду Данилову.

– Да, без нареканий, все схватывает налету, видно, что работала в этой сфере.

– Три года назад она занимала твою должность в нашем заведении, – произнес, улыбнувшись, оценивая реакцию девушки, но Оксана не выдала своего замешательства, если та-

кое имело место быть.

– Тогда это все объясняет, – спокойно произнесла, принимая все как должное. Этим она мне и нравилась своей собранностью, безэмоциональностью и «холодной головой» на этой должности именно такие люди навес золота.

– Не переживай, твоему положению ничто не угрожает.

– И мысли не было, я справляюсь со своими обязанностями, Ильдар Сергеевич.

– Конечно, – утвердительно кивнул, улыбнувшись, подтверждая ее слова. – И я это ценю. – Оксана не просто справлялась, она делала гораздо больше, чем могла делать и думаю, именно она займет место управляющего, когда меня мой любимый тесть лишит этого куска бизнеса. Причем займет заслуженно по праву профессионала в своем деле. Я даже не против. Надо же куда-то таким талантам расти.

– Может, что-то необходимо?

– Нет спасибо, – Оксана переключилась на персонал, а я обратил внимание на пробежавшую мимо Валерию, выглядела она уже гораздо лучше, свежее, и улыбка у нее оказывается шикарная, вон как посетителям улыбается, отвечая на их вопросы, пожилой мужчина от ее улыбки сам засиял как начищенный самовар.

Убедившись, что все идет в рабочем режиме, без авралов и проблем, вернулся в кабинет и снова занялся документами. Своей работы до хрена так еще и Тим по сервису скинул целую кипу. Освободился я только к двенадцати часам

и, размяв затекшую от долго сидения шею, захлопнул ноутбук и засобирався домой.

На парковке почти не осталось машин, такси подъезжали и уезжали, забирая очередных подвыпивших и веселых посетителей, а я, закулив, остановился у своей машины, набирая Тиму сообщение, чтобы заглянул в рест с утра, и уже собирався сесть за руль, когда со стороны заднего входа раздался женский крик. Заставляя, на секунду остановится. Крик повторился и я, захлопнув приоткрытую ранее дверь машины, отбросив в сторону недокуренную сигарету, направился к зданию. Только конфликтов мне не хватало среди персонала.

Лера.

– Не подходи ко мне! – рыкнула я, пятась от Данилова, понимая, что позади меня тупик с мусорными баками и бежать мне просто напросто не куда. Смена закончилась, Оксана выдала довольно крупную сумму чаевых, чему я конечно же, очень обрадовалась, и перекинув через плечо свою сумочку, несмотря на усталость преисполненная позитивом, вышла на улицу, совершенно не подозревая, что меня уже ждут.

– Что же ты такая пугливая, девочка моя. Я соскучился, пошли домой, – излишне нежный голос Данилова настораживал еще больше чем его появление. Потому что именно после подобных интонация обычно начинался самый настоящий п*здец.

– Вон пошел или я кричать буду, – рыкнула, в ответ, просчитывая как можно от него убежать, и понимая, что стоит мне дернуться в сторону двери ресторана, то он в считанные секунды меня перехватит, и я даже позвать на помощь никого не успею.

– Я понимаю, ты злишься на меня, я виноват перед тобой и я прошу прощения. Но не стоит так остро реагировать. Лер, я люблю тебя, – он говорил это вкрадчиво, излишне ласково с доверительными нотками, стараясь подкупить и заставить поверить, но надо быть полной дурой чтобы на это купиться, ударивший один раз ударит и второй, эту истину я видела собственными глазами и проверять ее еще и на своей шкуре не хотелось. Данилов снова сделал пару шагов приближаясь и я, отступая, больно ударила плечом о мусорный бак, краем глаза замечая высокую хромированную ножку от стола со сломанным креплением, и недолго думая схватила ее, вскидывая на манер биты. Муженек мой взбледнул, не ожидая подобного с моей стороны, но виду не подал. Правильно, тварь впервые встретила от меня отпор и, учитывая, что я готова была обороняться до последнего, ему было чему удивляться. Я готова была к тому, что все могло сейчас завершиться фатально для одного из нас, реально уже просчитывая, куда я смогу ударить так чтобы наверняка.

– Если ты сейчас же не уйдешь, я тебе мозг по асфальту раскидаю, – руки нервно дрожали, меня всю колотило от страха, и от мысли что он, хоть еще раз посмеет до меня до-

тронуться. Но больше всего меня пугало еще и то, что в сознании навязчиво крутилась мысль «А что если он искренен, а что если он на самом деле решил все исправить и все будет хорошо» абсолютно поганая мысль.

– Лер, ты чего? Малышка моя.

– Я сказала, отойди! – заорала, так что голос сорвался, больно обжигая связки, и замахнулась, делая пару шагов вперед, Данилов в замешательстве отступил, видимо не рассчитывая на такой теплый прием своей сучьей персоны. Я за все время нашего брака ни разу не давала ему отпор, всегда старалась сгладить углы, а эта тварь лишь с каждым разом все больше наглела и пользовалась. Но сейчас я была загнана в угол в прямом и переносном значении этого слова.

Не зря мне когда-то знакомый, изучавший в то время уголовное право и криминологию сказал, что преступления совершенные женщинами отличаются особой жестокостью, а каждое восьмое и вовсе с элементами пыток и садизма. А с учетом того что в процентном соотношении бытовое насилие, либо насилие совершенное на бытовой почве в восьмидесяти пяти процентах случаев совершают именно женщины и только в семидесяти семи процентах мужчины, то это довольно весомый факт более жестокой природы женского пола. Тогда я отчаянно с ним спорила не в силах поверить сухой статистики, сейчас же я готова была лично поднять этот печальный процент. Но от отчаянного шага меня спасли, совершенно неожиданно, в момент, когда совершенно не

ждешь уже никакой помощи.

– Уважаемый, – голос Ильдара Сергеевича разрезал напряженную атмосферу, – отойдите от девушки, иначе я буду вынужден вызвать охрану. – Своим уверенным звучанием, заставляя Данилова нервно сглотнуть. Трусливая пакостливая тварь, как же меня угораздило-то за него замуж выйти? В каком анабиозе находился мой мозг, и какая сахарная вата была его заменой на тот период. Почему мы становимся слепыми доверчивыми щенками, когда дело касается чувств? – Валерия, вы не пострадали? – твердые и покровительственные нотки в тоне Адашева заставили, наконец, перевести взгляд на него и опустить свое импровизированное оружие.

– Нет.

– Хорошо. Подойдите ко мне, – я с опаской двинулась к Ильдару Сергеевичу, опасливо косясь на Данилова, готовая все так же среагировать на любой его жест, но он неподвижно стоял неподалеку, и взирал на меня, наполненным злостью взглядом, обещая неминуемую расправу и за отказ идти с ним и за унижение. Адашев забрал из моих рук ножку от стола, которую я все еще сжимала и, отставив ее в сторону, покровительственно приобняв за плечи, повел к своей машине.

Глава 8

– Держите, – Ильдар Сергеевич протянул мне пачку влажных салфеток, как только мы сели в машину, не сразу поняла зачем, но опустив взгляд на свои руки, обнаружила, что ладони чем – то испачканы. – Назойливый ухажер? – поинтересовался он, выворачивая руль, выезжая с парковки.

– Нет. Муж. К сожалению, – последнее добавила на автомате. Все еще думая о том, как быстро жертва может стать агрессором если ее загнать в угол и не оставить даже иллюзию выбора.

– Надеюсь бывший? – бросил взгляд на мои пальцы, отметив отсутствие обручального кольца. Которое сняла в ту же ночь, когда ушла из дома, находясь в незнакомой обстановке дешевого хостела вглядываясь во мрак комнаты, я содрала его со своего пальца, в надежде избавиться от давящего чувства, которое было обусловлено прежде всего страхом, но психологически находило причину в различных мелочах и вещах. И метка твари на своем теле в виде тонкого золотого обруча стала для меня тем, от чего надо было избавиться в первую очередь. Странно все же устроена человеческая психика, немногим позже, всего лишь спустя двенадцать часов, все эти умозаключения стали казаться мне глупым бредом, но кольцо я, конечно же, все равно больше не надела. Запрятала его в косметичке, если совсем тяжело будет, то

заложу в ломбард, хоть какая-то же польза должна быть от этого брака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.